

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ
ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА» (1835)**

Статья посвящена повести «Тарас Бульба» (1835), в которой Гоголь реализовал идею «поэтической истории» своего народа. На основании различных исторических сведений он фактически создал новый миф о козаках как воинах, сохранивших в Европе христианство, возводя их происхождение к Древней Руси и Великой Степи, к норманнам и средневековым рыцарям, сближая с героями Ветхого и Нового Завета, с историческими деятелями и святыми.

Ключевые слова: творчество Гоголя, украинские козаки, «поэтическая история» Малороссии.

V. D. Denisov

**TO THE ISSUE OF THE HISTORICAL BASIS
OF «TARAS BULBA» (1835) BY N. V. GOGOL**

The article is devoted «Taras Bulba» (1835), in which Gogol realized the idea of «a poetic history» of his nation. On the basis of various historical facts, he actually created a new myth about Kozaks as militant rescuers of Christianity in Europe, referring their origin to Ancient Russia and the Great Steppe, Normans and medieval knights, coming in touch with the heroes the Old and the New Testament, the historical figures and the sacred.

Keywords: Gogol's creativity, Ukrainian Kozaks, «a poetic history» of Little Russia.

Как показывает анализ хрестоматийной повести Гоголя, ее историческим «стерженьем», несмотря на видимый разнобой дат, послужили события Хмельнитчины — национально-освободительной борьбы 1648–1654 годов. Так, указано, что сыновья

Бульбы учились при А. Киселе, последнем польском воеводе Киева, который от имени своего правительства вел переговоры с Б. Хмельницким в начале 1650-х годов. Только тогда стал принципиально возможен поход на Польшу (ранее козаки¹ свя-

¹ Здесь и далее везде в слове *козак* и производных от него сохраняется авторское написание в черновых редакциях — в отличие от русского — *казак*.

зывали с ней определенные политические и экономические интересы), и тогда же впервые испытал осаду козаков г. Дубно. Его схематическое изображение как некоего «средневекового города» говорит о том, что автор читал подобные описания и знал из летописей и/или преданий о Дубенском замке, оставшемся неприступным при осаде, в том числе и козацкой. Упомянутый коронный гетман Миколай Потоцкий руководил с 1646 г. подавлением козацко-крестьянских восстаний на Украине и был захвачен войсками Хмельницкого в 1648 г. А использованное в повести «Описание Украйны» Г. де Боплана (рус. пер.: СПб., 1832) относилось к 1631–1647 годам, непосредственно предшествовавшим Хмельнитчине.

Однако другие указания **не соответствуют** Хмельнитчине. Бульба стал полковником, «когда Баторий устроил полки в Малороссии» [5, т. II, с. 283]¹, т. е. в конце 1570-х годов, а само время действия повести «касалось XVI века, когда еще только что начинала рождаться мысль об унии» (с. 281), — это рубеж 1580–1590-х годов. Тогда за несколько месяцев произошли основные события, и Тарасу «было шестьдесят лет» (с. 333). Значит, чтобы участвовать в движении Острицы 1638 г., он должен был прожить более 100 лет*. Но читателю памятно и предшествующее определение героя как «одного из тех характеров, которые могли только возникнуть в грубый XV век...», и хотя, по словам И. Я. Айзенштока, такое «указание на *возникновение* характеров, подобных Бульбе в XV веке, еще не означает датировки действия XV веком» (с. 717), героя нельзя отделять от его характера (в черновой же редакции все действие было датировано XV в.). И потому напрашивается вывод, что Бульба живет в трех веках! Может ли это быть,

когда время действия в повести принципиально ограничено жизнью заглавного героя?

Принципы сближения времен иллюстрирует простой пример. Автор указывает, что Остап и Андрий окончили Академию в Киеве. Однако тогда упомянутое духовное заведение называлось Киево-Могилянской коллегией (основана П. Могилой в 1632 г.) и Академией стало гораздо позже — в 1689 г. Так называли ее и дед, и прадед Гоголя, учившиеся здесь. С 1817 г. Академия была преобразована в Киевскую семинарию. Но во все времена это духовное заведение в обиходе звалось *бурсой* — как общежитие при училище или семинарии. Поэтому автор в основном именует Остапа и Андрия бурсаками (иногда семинаристами, в черновике — «академиками»).

Гоголевское произведение обладает особым пространственно-временным континуумом, соотношенным со структурой художественных образов. Так, имя и прозвище заглавного героя повести представляют противоречивое сочетание мужского и женского, материального и духовного. Украинское имя Тарас, восходящее к греческому *tarassō* — ‘волновать, возбуждать, приводить в смятение, тревожить’, имело значение ‘бунтовщик, мятежник’ [17], а *бульбой* в украинском и польском языке XV–XVII веков называлась ‘земляная груша’ [18]. Итак, «мятежный» по духу Тарас и «земная, плотная, округлая» бульба (в черновике прозвище Кульбаба — укр. ‘одуванчик’ — соединяло «земное» и «женское» грубее, но отчетливее (с. 597). Такое сочетание напоминает о древнегерманском языческом двуполом божестве, рожденном Матерью-Землей и породившем первого человека Мана — Тевте (о нем Гоголь писал в статье, посвященной переселению народов в V в.). Это сходство

¹ Далее, цитируя т. II, приводим только номер страницы, в других случаях указываем номер тома римской цифрой.

объясняет и «двадцатипудовый» (320 кг!) «земной» вес Бульбы, и его **трехвековую** жизнь, соотносимую с «удалым веком» Запорожской Сечи, что длится «три столетия» [1, с. 60]. В структуре образа Бульбы есть и «звериные», близкие к дьявольским черты, как «ярость тигра», «гнев вепря» (аномальная для обычного человека жестокость, свирепость), и «какой-то исступленно сверкающий взгляд» (демоническая примета) при убийстве Андрия, и безмерная, тоже похожая на «звериную», родительская любовь — дарующая и оберегающая жизнь, но карающая недостойного ее («Я тебя породил, я тебя и убью». — С. 322), и материнская забота о наряде, снаряжении, настрое сыновей, и преданность Вере и товарищам, и ненависть к «ляхам», и архетипические для Козака неистовство и строптивость [14, с. 25–26, 78]. То есть структуру «героя времени» образует противоречивое единство азиатского и европейского, христианского и языческого, мужского и женского (даже больше: человеческого и «звериного»), его «разнополюсные» черты: как личностные, так и типические и архетипические. Но сама разнородность тех же «начал», единством которых создавалось украинское козачество, предполагает возможность их распада и/или взаимоуничтожения.

Вместе с тем мотивы воинской службы Бульбы и сыновей, испытания его веры, потери сыновей, религиозного противостояния и мученической смерти за Веру перекликаются с житием св. Евстафия, аллюзия на которое есть в тексте («...гетман, зажаренный в медном быке...» — С. 309). Гибель сыновей и отца вызывает и другие многоплановые аллюзии: от античного эпоса (смерть Лаокоона и двух его сыновей) до фольклора (сказки, былички, легенды про отца и сыновей), от библейского рассказа о жертвоприношении Авраамом своего сына Исаака (Бытия 22:10) до евангельских аллюзий, от конфликта двух

братьев — героев исторической повести А. Бестужева «Изменник» [см.: 2, с. 443] — до исторической хроники и народных рассказов о судьбе сыновей Хмельницкого: героически погибшего Тимофея (Тимоша) и Юрия (Юрко), который по смерти отца ориентировался на Польшу и прослыл изменником.

Кроме того, литературными прототипами Бульбы были Тарас Острица в рукописных <Главах исторической повести> и Данила Бурульбаш в повести «Страшная месть» (с. 717). Связанный с ними сюжет исторического романа «Гетьман» основывался на изображении Полтавщины и *миргородского полковника* со шрамом на лице — вероятно, будущего гетмана, — как в отрывке <Мне нужно видеть полковника>. А это приметы легендарного козацкого атамана Данила Апостола (1654–1734), сына одного из первых *миргородских полковников*. В 14 лет его, по преданию, козаки избрали полковником после смерти отца. Видимо, он тоже учился в Киево-Могилянской коллегии, затем воевал со славой — отважный, прямодушный воин, любимый товарищами, потерял в сражении глаз, и лицо было искажено шрамом. Известна его неприхотливость, приверженность простой козацкой жизни на хуторе, которой он не изменил, и став в 1727 г. последним украинским гетманом, выбранным козацкой радой. Тогда же стали полковниками оба его сына: Петр, до этого живший в Петербурге (фактически в заложниках), — лубенским, а Павел — миргородским. Гетманщина при Апостоле укрепилась, обрела больше самостоятельности. И потому запорожцы, ушедшие с Мазепой к шведам, а затем жившие в Крымском ханстве как изгнанники, возвратились весной 1734 г. под власть России. Но гетман об этом уже не узнал: он умер в январе и был похоронен в Спасо-Преображенской церкви с. Великие Сорочинцы Миргородского повета, где через 75 лет крестили Николая Гоголя.

Столетие смерти Апостола в 1834 г. трагически совпало со смертью 3 июня его потомка — князя В. П. Кочубея, одного из самых доверенных и влиятельных лиц как при Александре I, так и при Николае I. По отцу князь был правнуком генерального судьи В. Л. Кочубея, казненного Мазепой, а по матери приходился правнуком Апостолу и племянником А. А. Безбородко (1747–1799), секретарю Екатерины II, который готовил его для высоких государственных постов (а племянник порадеет, чтобы имя дяди увековечила Нежинская гимназия высших наук). В переписке с В. П. Кочубеем находился Д. П. Трощинский, дальний родственник и покровитель семейства Гоголей-Яновских, обязанный А. А. Безбородко возвышением. Новый император назначил В. П. Кочубея председателем Государственного совета и Комитета министров. В 1831 г. тот получил титул князя, в 1834 г. стал канцлером (министром внутренних дел с особыми полномочиями) и, направляясь на отдых в свое образцовое имение Диканька, внезапно умер в Москве.

И все же нельзя считать Д. Апостола (и любого другого исторического деятеля!) прототипом Бульбы, хотя, видимо, характерные черты гетмана и его жизни отражены как в образах литературных предшественников Тараса, так и в его образе, в окружающем историко-бытовом фоне. Мы не знаем, был ли знаком Гоголь с В. П. Кочубеем. Возможно... Дом Кочубеев на Фонтанке был открыт для посещений, в нем устраивали балы. Там жила и Н. К. Загряжская, дочь последнего малороссийского гетмана К. Г. Разумовского, с которой любил беседовать А. С. Пушкин. С 1831 г. он часто посещал дом Кочубея, в дневнике поэта есть записи об этом. Жена Кочубея, племянница и воспитанница Загряжской, была урожденная Васильчикова (как известно, Гоголь какое-то время занимался со слабоумным сыном Василь-

чиковых). В начале 1830-х годов портрет Кочубея в его кабинете писал художник А. Г. Венецианов — с ним и с его школой Гоголя многое связывало... Князь, несомненно, поддерживал проект истории Украины, который отразил бы деяния его предков, да и «украинские» статьи Гоголя удивительно «вовремя» появились в издании [7], зависимом от Кочубея. Так что Гоголь вполне мог рассчитывать на его поддержку и своих планов преподавать историю в первом Киевском университете^{***}, и замыслов показать прошлое Украины, жизнь ее исторических деятелей, в том числе предков Кочубея, и, видимо, поэтому некоторыми их узнаваемыми чертами наделил художественно-обобщенные образы в своих произведениях того периода.

Неудивительно, что время от времени в образе Бульбы обнаруживают и черты вождей козачества в XVII в.: Тараса Федоровича, Конашевича-Сагайдачного, Палея, Самуся... Гоголь, создавая образ атамана, штудировал историю Малороссии, «погружаясь» в летописи, легенды, козацкие песни. Понятно и стремление исследователей найти для этого мощного, целостного образа такой же «высокий», исторически достоверный прототип, в идеале — родственник писателю... Но когда П. А. Кулиш указал на козацкого полковника Евстафия (Остапа) Гоголя, ставшего затем гетманом Правобережья, последовало опровержение М. А. Максимовича, который сослался на сведения, известные ему от самого писателя. Позднее внимание привлекли неувязки версии А. Д. Яновского о происхождении их рода от Е. Гоголя (именуемого Андреем) и возведении того в шляхтичи королем Яном II Казимиром, тогда как это все происходило в правление Яна Собеского [11, с. 8]. Учитывая важность темы, к ней неоднократно обращались известные ученые [13, с. 12–19; 15]. И вот в начале нового века украинский историк Т. Чухлиб,

вслед некоторым западным изысканиям, объявил Е. Гоголя «прототипом Тараса Бульбы» [21].

Историк утверждает, что можно найти «много аналогий между жизнью исторического Остапа Гоголя и литературного Тараса Бульбы. И тот и другой были полковниками Войска Запорожского. Имели двух сыновей примерно одного возраста». Правда, сыновья О. Гоголя «учились в высшем учебном заведении во Львове», а не в Киеве, но есть и прямая аналогия с судьбой сыновей Бульбы: «один из них (тоже старший) гибнет в 1671 году от рук жолнеров при обороне Могилева, а второй вскоре, в 1674 году, переходит на сторону поляков, убивших его брата. Именно убегая от польской погони из Могилева, во время переправы через Днестр старый подольский полковник Остап едва не погиб» (параллель с бегством от «ляхов» Тараса Бульбы очевидна). Все это позволяет ученому заявить, что прототипом Тараса Бульбы «был не кто иной, как далекий родственник Николая Гоголя», сподвижник Б. Хмельницкого, гетман Правобережной Украины в 1675–1678 годах Евстафий / Остап Гоголь, который родился в начале XVII в. в небольшом подольском селе Гоголи, «основанном православным шляхтичем с Волыни Никитой Гоголем», и обрел свое имя по «шляхетному» рождению или происхождению из того села. Впрочем, стать Гоголем Остап мог и получив «птичье» прозвище в жизни.

Первое достоверное упоминание О. Гоголя относится ко времени, когда он служил ротмистром «панцерных» козаков польского войска в Умани перед 1648 г. Затем, после Хмельнитчины, он командовал Подольским (Могилевским) полком. Т. Чухлиб делает акцент на его участии в пресловутой битве с «московитами под Конотопом» в 1659 г., когда козацкое войско одержало победу. Но даже если так оно и было, это показывает, как, в стремлении

к независимости, козаки иногда не различали друзей и врагов. В то же время эпизод, когда Гоголь защищал г. Могилев в 1660 г. от 18 000 поляков и примкнувших к ним татар, действительно напоминает... осаду г. Дубно запорожцами, но это никак не комментируется. Дальнейшие подвиги Е. Гоголя под турецким и польским владычеством мало чем похожи на поведение Бульбы (хотя, согласимся здесь с Т. Чухлибом, оба они были полковниками): ведь Тарас **не изменяет** ни родине, ни товарищам, ни Вере, не держит руку султана, короля или хана, а казнит изменившего сына и отдает жизнь за Веру. (Ср.: Л. Стирман понимает «мученическую смерть» Бульбы своего рода «патриотическим искуплением» за измену, совершенную гетманом Е. Гоголем как «прародителем» автора [18, с. 273].)

Пока при всем желании не удалось обнаружить документов, что прадед Гоголя, священник Демьян Иванович Яновский, был сыном Яна, внука гетмана Гоголя, «достоверных доказательств столь чудесного превращения не существует... Впрочем, в генеалогии многих знаменитых украинских (и только ли украинских?) родов немало подобных чудес. В случае же с автором "Тараса Бульбы" вопрос его веры в предка-гетмана намного важнее вопроса о "подлинной" генеалогии» [10, с. 455–456]. Еще раньше Д. Чижевский пришел к пессимистическому выводу: «К сожалению, эта героическая родословная, возводящая род Гоголя к сотоварищам Тараса Бульбы, — мифическая. Это генеалогический роман, сочиненный довольно неискусно дедом Гоголя <...> Родословная будущего великого писателя, без сомнения, начинается со священника Яна Яновского... Но героическая романтическая генеалогия, в начале которой стоит полковник Остап Гоголь, — генеалогия фантастическая. Верил ли ей Гоголь в юности, мы не знаем...» [20, с. 255, 259].

Поэтому можно говорить лишь о предположительном родстве Яновских с Гоголями, об отражении в образе Тараса Бульбы (и других героев), в обстоятельствах жизни его и его семьи некоторых черт Евстафия Гоголя и его сыновей, их семейных отношений. Лазаревский полагал, что имена Остапа и Андрия Гоголь посчитал родовыми, сопоставив Дворянскую грамоту с историческими источниками [11, с. 8]. Но стоит обратить внимание на обстоятельства ее появления в 1784 г. Если бы тогда А. Д. Гоголь не подтвердил, как другие украинские дворяне, «шляхетного» происхождения, поместье — приданое его жены Татьяны, единственной дочери Лизогубов, — могло бы затем отойти государству или даже перейти в другие руки, а не единственному сыну Яновских Василию, в чью честь было названо. Служба Афанасия Демьяновича в гетманской канцелярии давала навыки «обработки» документов, да и примеры этого наверняка тоже были тогда перед глазами...

Итак, поиски одного-единственного прототипа Бульбы следует признать некорректными, даже исходя из смешения в этом образе антиномичных исторических и литературных черт. Под стать герою — таким же «синтетическим», как мы показали выше, — было противоречивое единство времени действия. Именно это обстоятельство ставило и ставит в тупик исследователей, которые говорят о нарочитой запутанности датировки и вообще об отказе от нее, объясняя это неким пренебрежением к датам или же... невнимательностью. Так, по мнению В. В. Гиппиуса, «Гоголь легко сбивался в хронологии даже на целое столетие (то же — в «Тарасе Бульбе»: где то 15-й, то 16-й, то 17-й век)...» [4, с. 61]; И. Я. Айзеншток говорит о его «рассеянности» (с. 705). Но Гоголь-историк использовал даты, когда преподавал и составлял сложные синхронистические таблицы (см.: [12, с. 72]), по долгу службы он требовал знания хронологии от учениц Патриотическо-

го института, а затем от студентов Санкт-Петербургского университета. Заметим: все указанные даты истории Украины были общеизвестны и применялись авторами исторических романов вполне адекватно. И если Гоголь в своих произведениях перемешивал те же даты, то, надо понимать, он исповедовал иной принцип периодизации, передавая художественное время соответственно структуре образов.

В черновой редакции повести все действие было датировано XV веком — концом Средневековья. Но в печатной редакции «жестоким веком» стало уже называться противоречивое единство XV–XVII веков как «общее» время украинского Средневековья, то есть время относительно самостоятельной жизни козацкого сообщества. Хмельнитчина здесь — основной период, время побед козачества, когда оно стало «опорой и силой» государства. Таким же описан этот период в повести «Гайдамак» (1825) О. М. Сомова: после песен бандуриста слушатели вспоминают «старую Гетманщину, времена Хмельницкого, времена истинно героические, когда развившаяся жизнь народа была в полном соку своем, когда закаленные в боях и взрослые на ратном поле казаки бодро и весело бились с многочисленными и разноплеменными врагами и всех их победили; когда Малороссия почувствовала сладость свободы и самобытности народной и сбросила с себя иго вероломного утешителя...» [16, с. 183]. Гоголь обозначает и два предшествующих периода той эпохи — какими они остались в памяти народа: это время «за короля Степана» — 1570-е годы, которыми писатель принципиально ограничил историческое повествование (тогда король Стефан Баторий признал козаков серьезной военной силой и сформировал из них регулярное войско), и время религиозно-освободительной войны с поляками после Брестской унии 1596 г., когда чаша «терпения уже переполнилась» (с. 349). По многим ис-

точникам известны два самых больших козацко-крестьянских восстания под предводительством гетмана Наливайко и гетмана Острицы, которые затем попали в руки поляков и погибли за Веру, подобно св. Георгию и великомученику Евстафию. В предшествующих повести фрагментах Гоголь контаминировал образы двух гетманов (см.: [6, с. 49]), в повести же сделал относительно единым и художественное время этих восстаний. Оно воспринимается и как последний этап жизни заглавного героя: он, подобно козачеству в тот период, терпит поражение и гибнет, но смерть его, сыновей и других героев видится искупительной жертвой во имя будущей победы Хмельнитчины, указания на которую представлены тут же в тексте.

При этом Гоголь последовательно изображает путь козачества как часть европейской и мировой истории. Появление на ее арене козаков после татаро-монгольского нашествия и становление козачества как воинства православного, видимо, отнесено к XV в. и связано с падением Византии. Так, набеги козаков на черноморское побережье Малой Азии напоминают автору и морские завоевательные походы викингов (в Западной Европе их называли норманнами, на Руси — варягами) против христианских государств Северной Европы, и военные экспедиции древнерусских князей варяжского происхождения к христианскому Царьграду. Это подтверждают звучащие в повести (особенно во 2-й редакции) мотивы «бешеного веселья» в бою, посмертной славы, воздаяния в горнем мире — близкие языческим представлениям о войне и Валгалле у древних германцев [2, с. 445]. Но — в отличие от древних германцев, викингов и воинов дохристианской Руси — козацкие «лыцари» борются с врагами христианства на захваченной «бусурменами»-язычниками земле Византии (подобные действия христианские государства не предпринимали со времен крестовых

походов!). Разоряя турецкие прибрежные города, появляясь в 1624 и 1629 годах у стен Стамбула, козаки мстят за гибель Византии, откуда пришло на Русь православие. Константинополь был его колыбелью: здесь в 381 г. Вселенский собор принял Символ Веры, запечатлевший суть православного вероучения. После разделения Римской империи в 395 г. это столица Восточной Римской, а затем Византийской империи, где в IX–XI веках формировались богословские основы православия. Во время Крестового похода 1202–1204 годов (откровенно направленного против Византии) столица была взята и разграблена католическими рыцарями-крестоносцами, что способствовало падению всего государства. Захваченный в 1453 г. город турки-османы стали называть Стамбулом (от тюрк. Исламбол — ‘государство мусульман’). Идея возвращения Царьграда питала «греческую» политику Российской империи: подобное завоевание означало бы торжество православия и России, тогда как западноевропейские государства более трех веков не могли освободить от язычников бывшую христианскую столицу.

В начале 1830-х годов эти исторические аллюзии были как никогда актуальны. Русско-турецкая война 1828–1829 гг. началась из-за поддержки Россией национально-освободительной борьбы греков-этеристов (их вождь Ипсиланти ранее был генералом русской службы, а первым президентом Греческой республики стал бывший российский дипломат граф Каподистрия). Сначала Франция и Англия поддерживали Россию в «греческом вопросе» против турок. Но победы русской армии и ее продвижение на Балканы обозначили реальную перспективу разрушения Оттоманской империи, а затем объединения славянских православных и неправославных народов вокруг державы-победительницы, которая таким образом вышла бы в Средиземноморье. И когда ее армия стояла у ворот Стам-

була, Англия, Франция и Австрия нейтрализовали дальнейшие усилия России, разрушив Священный союз, заключенный христианскими европейскими государствами в 1815 г. Президент Каподистрия погиб в результате заговора. Запад также инспирировал, а затем поддержал Польское восстание 1830–1831 годов. И потому русское общество восприняло борьбу с польским мессианизмом как «священную войну» [2, с. 441]. Этим и объясняется, почему в 1-й редакции «Тараса Бульбы» славяне-католики фактически поставлены *ниже* «неверных» — турок, крымских татар и демонических персонажей — и почти не персонализированы в открытом единоборстве с козаками.

Таким образом, ужасающие читателя картины свирепости и неистовства козаков, уничтожения всего чуждого, казни невинных, «избиения младенцев», сыноубийства и т. п. обусловлены историософскими взглядами писателя. Средние века — время ожесточенной борьбы христианства с язычеством, подобное, по мысли Гоголя, времени, описанному в Ветхом Завете, и потому под Средневековьем на Украине он понимает эпоху XV–XVII веков, когда православное козачество боролось против магометанства, с одной стороны, а с другой — защищалось от католичества, униатства и протестантизма. На том пути были колебания, было предательство (такова измена Андрия, похожая на библейскую историю обольщения Олоферна Иудифью^{***}). Конец этому положило воссоединение с единоверцами, которое не единожды затем пытались подвергнуть ревизии, а то и разрушить...

По Гоголю, «великая истина» состоит в том, что по мере исторического развития «в общей массе всего человечества душа всегда торжествует над телом» [5, т. VIII, с. 24]. Но если во времена Авраама человек во имя Веры порывал с природой, с кровными, семейными узами, то в конце Средневековья он уступает своей греховной

природе (черту). Переключка времен подчеркнута и тем, что евреи — мелкие торговцы в Сечи, арендаторы, жители варшавского гетто — носят библейские имена: Шлема и Шмуль — уменьшительные от имен легендарного царя Соломона и пророка Самуила, последнего судии народа израильского; Янкель — от Иакова, сына Исаака и Ревеки, которого Яхве впервые назвал Израилем; Мардохай от героя Мардохея, благодаря которому и его племяннице Есфири, иудеи, находившиеся под властью царя Артаксеркса, были спасены от гибели и отомстили врагам. Показанные же в повести потомки библейских героев живут мелкими, корыстными, в конечном счете — чужими интересами потому, что они лишены своей земли, основы естественной жизни народа, а изображение варшавского гетто, его обитателей и «внутренности» их домов напоминает картины «грязного ада» в «Энеиде» И. П. Котляревского. На этом фоне настоящими героями, подобными библейским (хотя и такими же неистовыми, жестокими, кровожадными!), предстают защитники Украины и Веры — Тарас и Остап Бульба и запорожцы, олицетворяющие козачество!

Очевидно, типичность, символизм и «синтетичность» этих образов в «Тарасе Бульбе» обусловлена множеством исторических, мифологических и литературных связей. Это же определяет со- и противопоставление типов: семья Бульбы (Тарас — жена — сыновья Остап и Андрий) — запорожцы (отдельные козаки — их группы — кошевой) — враги («татарва», «ляхи», толпа и люди из толпы — панночка — ее брат — служанка татарка — французский инженер — усатый гайдук — палач и др.), чьи отношения характерны для того времени. И когда автор «высвечивает» из массы какое-то лицо — этот тип не имеет имени (пьяный, пляшущий, довбиш — «единица массы» в разной степени индивидуализации) или носит характерное, типизирую-

щее имя (ср. прозвища запорожцев в сцене встречи с Бульбой и судьбы их носителей).

Рассмотренные нами противоречивая общность типичных черт в структуре образов, и самих типов героев, и мифологического времени повести определяет ее близость к эпосе, которая, по Белинскому, понимается как правдивая героическая (по)весть (песнь, дума) о самых важных, переломных, батальных моментах в жизни народа(-ов). Здесь картину народного прошлого создают герои-богатыри, что противодействуют чужому миру, дают отпор врагам, потому и независимы, строптивы,

неистовы, даже демоничны. Исторические и мифологические истоки гоголевской эпопеи взаимосвязаны, поэтому она близка и летописи, и преданию, волшебной сказке, рыцарскому роману, поэтому ей свойственны патриархальные представления, когда общественные отношения изображаются кровными, родовыми (так, козаки считают друг друга «братами», в то время как братья Остап и Андрий становятся врагами), а сама Запорожская Сечь видится обращенной в прошлое национальной и социальной утопией (см. об этом: [1, с. 71; 8, с. 325–333]).

ПРИМЕЧАНИЯ

* В своей статье В. Я. Звиняцковский, «не замечая» 60-летия Бульбы, утверждает, что тот вполне мог естественным образом дожить до восстания Острицы, и этим (!) опровергает наши предположения об особом времени повести [9, с. 302–303].

** Косвенным подтверждением, на наш взгляд, может служить изменившееся сразу после смерти князя Кочубея отношение министра народного просвещения С. С. Уварова к планам Гоголя преподавать в Киевском университете. Так, в письме М. А. Максимовичу от 28 мая 1834 г. Гоголь еще утверждал, что министр дает ему место «экстраординарного профессора и деньги на подъем, но однако ж ничего этого не выпускает из рук...» — а в письме от 8 июня сообщил адресату: «...С<ергей> С<еменович> сам, кажется, благоволит ко мне и очень доволен моими статьями» [5, т. X, с. 318, 322]. Вслед за тем, не без ведома министра, князь М. А. Дондуков-Корсаков предложил Гоголю место адъюнкт-профессора по кафедре всеобщей истории при Петербургском университете.

*** Здесь и в следующем абзаце мы используем комментарии В. А. Воропаева и И. А. Виноградова [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненкова Е. И. Повесть «Тарас Бульба» в контексте творчества Н. В. Гоголя // Анализ художественного произведения: Худож. произведение в контексте творчества писателя: Книга для учителя. М., 1987. С. 59–73.
2. Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993.
3. Воропаев В. А., Виноградов И. А. Комментарии // Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. / Сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М., 1994. Т. 1/2. С. 464–480.
4. Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н. В. Гоголь / Предисл. и сост. Л. Аллена. СПб., 1994. С. 9–188.
5. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1937–1952.
6. Денисов В. Д. Мир автора и миры его героев (о раннем творчестве Н. В. Гоголя). СПб., 2006.
7. Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 4. («Отрывок из Истории Малороссии», «О малороссийских песнях»). С. 1–26.
8. Зарецкий В. А. Народные исторические предания в творчестве Н. В. Гоголя: История и биографии. Стерлитамак; Екатеринбург, 1999.
9. Звиняцковский В. Я. Историческое ядро «Миргорода» в свете художественно-мифологических установок XVIII — первой трети XIX в. и документированной истории Украины. «Тарас Бульба» и «История русов» // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2008. С. 289–307.

10. Звиняцьковський В. Я. Справжній Гоголь: який він і хто він? (Настоящий Гоголь: какой он и кто он?) // *Гоголь М. Вечори на хуторі біля Диканьки. Миргород / Сост., автор ст. и примеч. В. Я. Звиняцьковський. Київ, 2008. С. 449–484. Цит. авторський переклад статті.*
11. *Лазаревський А. М. Сведения о предках Гоголя // Памяти Гоголя: Научно-лит. сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца. Киев, 1902. С. 3–12.*
12. *Лонгинов М. Н. Воспоминание о Гоголе // Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. (Серия лит. мемуаров). С. 70–74.*
13. *Манн Ю. В. «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н. В. Гоголя. 1809–1835 гг. М., 1994.*
14. *Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М., 1994.*
15. *Родословие Н. В. Гоголя: Статьи и материалы / Сост. и авт. вступ. ст. П. В. Михед. М., 2009.*
16. *Сомов О. Гайдамак. Малороссийская быль // Русские альманахи: Страницы прозы. М., 1989. С. 176–190.*
17. *Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1987. С. 524.*
18. *Стилман Л. Николай Гоголь и Остап Хохол // Родословие Н. В. Гоголя. С. 260–278.*
19. *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. М., 1986. Т. 1. С. 240.*
20. *Чижевський Д. Две родословных Гоголя // Родословие Н. В. Гоголя. С. 253–259.*
21. *Чухлиб Тарас. Прототип гоголевского Тараса Бульбы — далекий предок писателя, гетман Остап Гоголь // Зеркало недели (Киев). 2002. № 28 (403)¹.*

REFERENCES

1. *Annenkova E. I. Povest' «Taras Bul'ba» v kontekste tvorčestva N. V. Gogolja // Analiz hudozhestvennogo proizvedenija: Hudozh. proizvedenie v kontekste tvorčestva pisatelja: Kniga dlja učitelja. M., 1987. S. 59–73.*
2. *Vajskopf M. Sjužhet Gogolja: Morfologija. Ideologija. Kontekst. M., 1993.*
3. *Voropaev V. A., Vinogradov I. A. Kommentarii // Gogol' N. V. Sobr. soch.: V 9 t. / Sost. i komment. V. A. Voropaeva, I. A. Vinogradova. M., 1994. T. 1/2. S. 464–480.*
4. *Gippius V. Gogol'; Zen'kovskij V. N. V. Gogol' / Predisl. i sost. L. Allena. SPb., 1994. S. 9–188.*
5. *Gogol' N. V. Poln. sobr. soch.: V 14 t. M.; L., 1937–1952.*
6. *Denisov V. D. Mir avtora i miry ego geroev (o rannem tvorčestve N. V. Gogolja). SPb., 2006.*
7. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvesčeniija. 1834. № 4. S. 1–26 («Otryvok iz Istorii Malorossii», «O malorossijskih pesnjah»).*
8. *Zareckij V. A. Narodnye istoricheskie predanija v tvorčestve N. V. Gogolja: Istorija i biografii. Sterlita-mak; Ekaterinburg, 1999.*
9. *Zvinjackovskij V. Ja. Istoricheskoe jadro «Mirgoroda» v svete hudozhestvenno-mifologičeskikh ustanovok XVIII — pervoj treťi XIX v. i dokumentirovannoj istorii Ukrainy. «Taras Bul'ba» i «Istorija rusov» // N. V. Gogol': Materialy i issledovanija. Vyp. 2. M., 2008. S. 289–307.*
10. *Zvinjac'kovskij V. Ja. Spravzhnij Gogol': jakij vin i hto vin? (Nastojavij Gogol': kakoj on i kto on?) // Gogol' M. Vechori na hutori bilja Dikan'ki. Mirgorod (Sostavitel', avtor st. i primech. V. Ja. Zvinjackovskij). Kiïv, 2008. S. 449–484. Cit. avtorskij perevod stat'i.*
11. *Lazarevskij A. M. Svedenija o predkah Gogolja // Pamjati Gogolja: Nauchno-lit. sbornik, izdannij Istoricheskim obsčestvom Nestora-letopisca. Kiev, 1902. S. 3–12.*
12. *Longinov M. N. Vospominanie o Gogole // Cit. po: Gogol' v vospominanijah sovremennikov. M., 1952. (Serija lit. memuarov). S. 70–74.*
13. *Mann Ju. V. «Skvoz' vidnyj miru smeh...»: Zhizn' N. V. Gogolja. 1809–1835 gg. M., 1994.*
14. *Meletinskij E. M. O literaturnyh arhetipah. M., 1994.*
15. *Rodoslovie N. V. Gogolja: Stat'i i materialy / Sost. i avt. vstup. st. P. V. Mihed. M., 2009.*
16. *Somov O. Gajdamak. Malorossijskaja byl' // Cit. po: Russkie al'manahi: Stranicy prozy. M., 1989. S. 176–190.*
17. *Spravochnik lichnyh imen narodov RSFSR. M., 1987.*
18. *Stilman L. Nikolaj Gogol' i Ostap Hohol // Cit. po: Rodoslovie N. V. Gogolja. S. 260–278.*

¹ Подзаголовок этой статьи: *К 260-летию написания повести Н. Гоголя «Тарас Бульба»* — говорит о том, что 1) повесть написана в 1742 г., 2) даже если это и опечатка, автор не подозревает о первой редакции 1835 г.

-
19. *Fasmer M.* Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka: V 4 t. 2-e izd. M., 1986. T. 1.
20. *Chizhevskij D.* Dve rodoslovnyh Gogolja // Cit. po: Rodoslovie N. V. Gogolja. S. 253–259.
21. *Chuhlib Taras.* Prototip gogolevskogo Tarasa Bul'by — dalekij predok pisatelja, getman Ostap Gogol' // Zerkalo nedeli (Kiev). 2002. № 28 (403).